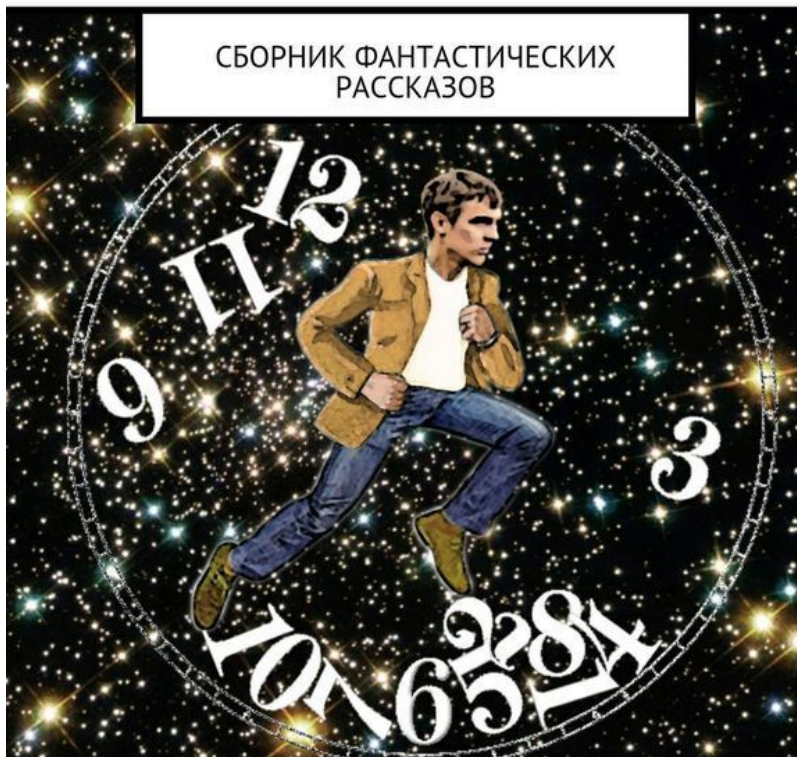

ИЛИЯ МАЙКО

Вспомнить будущее

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

Илия Майко

Вспомнить будущее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283996

ISBN 978-5-4474-1625-6

Аннотация

В данный сборник включены повести и рассказы в жанрах фантастики и фэнтези, а также несколько сказок, которые больше подходят для чтения взрослым, чем детям, даже если произведение не отмечено категорией «18+».

Герои путешествуют во времени, бороздят просторы Вселенной, ведут космические бои, ищут свою судьбу, а порой просто живут в ином мире, куда предлагается заглянуть читателю.

Все иллюстрации к произведениям авторские.

Содержание

День Счастья	5
Вспомнить будущее	36
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Вспомнить будущее сборник фантастических рассказов Илия Майко

© Илия Майко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

День Счастья

Аню разбудил яркий солнечный луч и голоса детей в соседней комнате.

– Лерка, не смей меня! – возмущенно кричал Антон. – Я, наверно, получше тебя знаю математику!

– Будет десять! – упрямо повторяла дочь.

– Семь плюс два?! ...Всё, мои силы и терпение на сегодня иссякли, – судя по звукам, Антон плюхнулся на диван и включил телевизор.

– ...к двухсотлетию со Дня Победы, похоже, все крупные корпорации решили посоревноваться в щедрости, – раздался голос диктора. – А создатель циклоцентров Игорь Иджитнан даже выпустил дополнительную тысячу билетов в «Рай». Игорь, скажите, кому так повезёт?

– Всем, кто старше шестидесяти лет, больным и тем, кто убедительно докажет, что его обычная жизнь так тяжела, что в ней совершенно нет места радости, – раздался мягкий низкий голос, знакомый всей планете.

– Первые две категории всем известны. А с чего вдруг появилась третья?

– Каждый имеет право заикнуть действительно счастливый день. А если человек беспросветно пашет по шестнадцать часов в сутки, а дома только грязь и разборки, то, я считаю, мы можем и должны помочь таким людям. Всего

сутки в «Рая», и человек получит вечный День Счастья.

Зажмурившись, Аня зевнула и потянулась к мужу, но рука неожиданно упала на пустую подушку. Не открывая глаз, женщина провела ладонью по кровати, убеждаясь, что Кирилл нет. «И куда он ушел так рано?» – лениво подумала она и встала.

Подойдя к окну, Аня счастливо улыбнулась: утро выдалось небывало ясное и солнечное. Один из первых дней, когда весенняя слякоть, наконец, превращается в ещё такую маленькую, нежную, но сочную зелень. Надо же: вчера, на праздновании совершеннолетия Антона, целый день шёл ливень, испортив всей родне игры на улице. Не могло лето начаться на сутки пораньше!

Вдруг громкий треск, а затем крик дочери заставил её выбежать из спальни:

– Нет!! – заревела в голос Лера, – ты мою куклу сломал!!

– Лерка, ну ты что... – испуганно затараторил сын, явно неудачно вставший с дивана и ненароком раздавивший сокровище сестры. – Я почию её – ещё лучше станет! Обещаю...

Он присел на корточки, стараясь успокоить девушку. Будучи на два года старше брата, она по развитию едва тянула лет на семь: родовая травма.

Антон с надеждой посмотрел на вошедшую мать: истерики были опасны, и вся семья старалась оберегать больного ребенка от стрессов. Помощь не замедлила с реакцией:

– Солнышко, пойдем готовить завтрак? А Антон пока починит твою куклу, – Аня приобняла дочь, уводя в кухню. – Что ты хочешь? Может, ягодный пирог или пирожки с картошкой?

– Пирожки, – всхлипнула Лера, успокаиваясь и переключаясь на протянутый стакан сока.

– Вы не видели сегодня папу? – спросила Аня, набирая на стареньком экране продуктора «пирожки с картошкой – 6 штук», в очередной раз мысленно вздыхая: «Во всех нормальных домах уж лет пять как установлены модели, реагирующие на голос!».

– Нет, но он, кажется, оставил голограмму. Она на столе, – откликнулся из комнаты Антон.

– Так посмотри, – пожала плечами мать.

«Не хватает 3 чайных ложек муки», – замигал красным экран, и Аня, вздохнув, вытащила из шкафа пакетик и насыпала муку в верхний ящик продуктора. «Как же мне надоел этот древний полуавтомат! Если в ближайшие дни мы не купим новый – честное слово, я отказываюсь готовить!» – нахмурилась женщина, когда кнопка «пуск», наконец, сработала.

– Я пробовал, но предварительное сообщение – «Голограмма одноразовая. Соберите всю семью».

– М-да? – озадаченно спросила Аня, доставая из продуктора горячие пирожки и ставя на стол тарелку. – Лерочка, дуй, пожалуйста, – погладила она по голове дочь и вернулась

в комнату к сыну, возившемуся с пострадавшей куклой. – Тогда надо позвать дедушку.

– Дедушка уже здесь! – раздался от входной двери раскатистый хрипловатый бас, а затем появился и сам его обладатель с вечной улыбкой на лице.

Лера в силу развития не понимала своего счастья, но Антон всегда чувствовал, как ему повезло: с детства он был едва ли не единственным в округе, у кого был дед. Теперь же, когда ему исполнилось восемнадцать, а сестре – двадцать, многие их ровесники уже попрощались и с родителями. А уж три поколения взрослых в одной семье – небывалое чудо.

– Дедушка! – не выпуская из руки пирожок, побежала к нему Лера.

– Доброе утро, дорогие мои Птички, – как всегда шутя, приветствовал семью по фамилии дед.

– Пап, ты очень вовремя, – чмокнула отца в щеку Аня. – Кирилл с утра ушел и оставил какое-то таинственное сообщение... – она закатила глаза.

– Я всегда вовремя! – по-военному вытянулся отец, – а Кирюха, наверно, послушался меня и пошел развлекаться с парочкой любовниц, – он со смешком потер руки. – Ну-ка, мне не терпится услышать подробности, включай давай.

Засмеявшись, Аня подошла к кристаллу, лежащему на столе, а её отец уселся между внуками.

– Не все такие любители погулять как ты, пап, – гордо сказала она, нажимая на гладкую поверхность камня. – Некото-

рые искренне любят своих жён.

– Голограмма одноразовая. Соберите всю семью, – пропел металлический голос.

– Собрали, – погромче ответила Аня, а то эти программы порой не разбирали речь.

Комната наполнилась радужным сиянием, и в центре возникла голографическая запись Кирилла. Судя по синим кругам под глазами, спать он и не ложился, однако просто светился счастьем.

– Дорогие мои, родные, любимые! Я не думал, что это случится так скоро, ведь только сегодня отметили Антошкино совершеннолетие, – речь отца семейства была несколько сбивчивой и возбуждённой. – Но ведь тут не угадаешь. Счастье – оно появляется неожиданно и так же легко исчезает.

– Нет... – прошептала, побледнев, Аня.

– Я, только собираясь засыпать, вдруг понял, что сегодня был идеальный день – мой День Счастья! Даже создавая его намеренно, я не мог бы придумать лучше. Ты прости меня, Аня: я знаю, мы хотели зациклиться вместе, но, на самом деле, нам безумно сложно было бы сделать это: разбуди я тебя сейчас, ты наверняка сказала бы, что день рождения сына – это куча домашних хлопот, да ещё дождь зарядил, который я люблю, а ты терпеть не можешь... Так что вопрос был только в том, кто из нас сделает это первым. Случилось так, что повезло мне – ты уж прости меня за это.

Аня подошла к полупрозрачной проекции мужа, стараясь

запомнить каждую чёрточку. В глазах женщины отражалась боль.

– Зато теперь у меня будет вечный праздник! – сиял её муж. – К тому же в какой ещё день собрались бы все родственники! Я буду их видеть каждый день. Вся семья рядом, веселье, игры, танцы, сладости – это ли не счастье? – Кирилл, казалось, светился от предвкушения новой жизни. – Дети, я люблю вас, заботьтесь друг о друге! Антон, береги Лерочку. Жаль, не могу обнять вас всех, дорогие мои. Впрочем, – он подмигнул, – обязательно обниму завтра... то есть сегодня, – он радостно засмеялся, – сегодня утром!

Он ещё раз улыбнулся, проекция исчезла, а камень на столе начал плавиться, пока не превратился в бесформенную массу.

Аня с трудом сделала спокойное лицо (ещё не хватало испугать детей!) и медленно развернулась к притихшей семье.

– Это нечестно! – закричал Антон, нарушая слегка напряжённую тишину. – Это должен был быть я! И завтра! А папа обещал присутствовать на моём концерте!

Дед закатил глаза и похлопал по плечу внука:

– Антошка, не говори глупостей! Никто не заикливается во цвете лет. Да и какое у тебя может быть счастье сейчас? Молоко на губах не обсохло. Ты и не знаешь ещё, что такое счастье!

– В любом случае тебе не позволят, – вытянула из себя улыбку Аня, слегка дрожащей рукой выкидывая в мусорное

ведро оплывший кристалл. – Правила для всех едины. Зациклиться может только тот, у кого есть дети, причем достигшие совершеннолетия.

– Но у меня не будет в жизни более счастливого дня, чем завтрашний! – отчаянно закричал парень. – Я пять лет шёл к этому! Исполнять собственную песню, на настоящей сцене, среди сотен тысяч зрителей... – он на мгновение зажмурился. – Да даже если утро и вечер будут полным кошмаром, мне нужен этот день! Это мой День Счастья, я точно знаю!

Мать и дед одновременно вздохнули: Антон не оставлял эту мысль весь последний месяц, как только его кандидатуру утвердили для завтрашнего концерта. А поступок Кирилла только подтолкнул парня.

– Тебе не позволят, – стараясь быть спокойной, подытожила Аня. – Пойдёмте завтракать.

– Иногда делают исключения! Я пойду в циклоцентр и попрошу!

– Папа больше не вернётся, да? – вдруг всхлипнула молчавшая до сих пор Лера, сжимая в объятиях только что реабилитированную куклу.

– Солнышко... – Аня старалась изо всех сил найти подходящие слова, – папа... он...

– Он жив, здоров, счастлив и даже находится среди нас, – буркнул Антон.

– Где? – вытаращив глаза, замотала головой Лера.

– Малыш, понимаешь, – присел напротив неё дед, взяв

стул, – папа был так счастлив вчера, что решил остаться навсегда во вчерашнем дне. Так что, вероятно, в это время он помогает твоему брату распаковывать подарки, – улыбнулся старик.

Лера оторопело смотрела на ковёр. Она, конечно, слышала про циклоцентры и даже бывала там, просто никогда ещё они не касались её лично.

– Как дядя Боря в прошлом году? – наконец, спросила она.

– Точно, – мрачно кивнул Антон.

– Значит, он больше не вернётся? – слёзы опять появились в глазах и покатались по щекам. – Потому что был очень счастлив? ...А если бы мы ужасно вели себя, он бы не исчез? – у Леры началась икота, что было явным признаком приближающейся истерики.

– Солнышко... – Аня села рядом и обняла её. – Но это же хорошо, что у папы был идеальный день. И сейчас он счастлив. Навечно. Мы должны радоваться за него. Однажды и нам так же повезёт, и мы последуем его примеру. – Она ободряюще улыбнулась дочери, но у той округлились глаза:

– Ты тоже исчезнешь?! – она схватила мать за руку.

– Нет, – Аня погладила по голове своего большого ребёнка. – Если я и исчезну, то только вместе с тобой. Обещаю. ...А сейчас как насчет горячих пирожков? – улыбнувшись, она потянула всю семью на кухню.

Дети мрачно уселись за стол и задумчиво уставились в наполненные тарелки. Единственный, кто никогда не терял хо-

рошего настроения, был дедушка. Он и сейчас что-то напевал себе под нос.

– А я ведь тоже попрощаться пришёл, – как бы невзначай сообщил он.

– Что?? – одновременно вырвалось у его дочери и внука, а Лера молча уставилась на деда, переваривая услышанное.

– Мне казалось, ты на дух не переносишь идею заикливания, и такие, как ты, делают это лет в семьдесят, – пожала плечами Аня.

– Ну, так почти что и дорос, – улыбнулся дед. – Здоровее я не становлюсь, так лучше сделать это сейчас, а не когда из меня будет песок сыпаться. ...Мне сегодня прислали билет в «Рай», – он достал из кармана куртки листовку и помахал перед носом притихшего семейства.

– Тебе же уже присылали когда-то, – нахмурил брови внук. – Я думал, этот шанс даётся каждому лишь однажды.

– Официально да, – дед задумчиво пожевал пирожок, – просто мало кто отказывается после этого от заикливания. Ну, а таким «чужакам» лет через десять дают вторую попытку: вдруг, поумнели, – он засмеялся.

– А что такое «Рай»? – наконец, подала голос Лера. К счастью, похоже, на этот раз она не уловила, что дед тоже исчезает из их жизни.

– О, это потрясающее место, солнышко! – загорелись у него глаза. – Там роскошный дом, и сад, и целые сутки все исполняют любые твои желания! Ммм... – он довольно по-

тёр руки в предвкушении.

– А ты не хочешь, как в прошлый раз, просто воспользоваться всем этим и вернуться домой? – с надеждой спросила его дочь.

– Анютка, ну посуди сама, когда ещё раз выпадет такой шанс... ещё лет через десять? Да я стану развалиной... какой уж тут День Счастья... – развёл руками дед. Он доел пирожок и поднялся, – поеду я, пожалуй. Если всё будет хорошо, то сегодня и зациклюсь. С утра увидел вас, потом – райские удовольствия... что может быть лучше... – он улыбнулся, поцеловав дочь и внучку.

А Антон остановил его прощания:

– Я провожу тебя, дедушка.

– Поехали! – согласно кивнул тот.

Они вышли из кухни. Аня тоскливо посмотрела им вслед, а Лера, так ничего и не поняв, привычно помахала рукой.

– Лерочка, пожалуйста, поешь, – наконец, обратила внимание Аня, что дочь не прикоснулась к еде. – Давай, доставь маме радость, – начала она её уговаривать, как маленькую.

– Радость?.. – замигала глазами девушка и резким движением смахнула тарелку на пол, а затем упрямо посмотрела на мать.

Та только развела руками:

– Лера...

Антон с дедом приземлились на флаере у ворот курортного городка под названием «Рай». Дед нажал на кнопку звонка

и затем предъявил билет двум открывшим им красавицам.

– Добро пожаловать в «Рай»! – улыбнулись обе во всю ширь белоснежных улыбок.

Парень был здесь впервые, поэтому смотрел, не отрываясь, куда только мог дотянуться взгляд. Внутри его не пустят, но и отсюда был виден потрясающей красоты сад. А дед уже довольно потирал руки:

– Так... хочу... – обе девушки наострили уши, ловя каждое его слово, – шоколадный торт! Для начала.

– Момент! – радостно засмеялась одна из них и, на минуту отлучившись, вернулась с роскошным куском торта.

– Ммм... – протянул он, проглатывая кусочек. – А ты, – он кивнул второй встречающей, – раздевайся!

Она с улыбкой стягивала одежду, а дед засмеялся, увидев вытянувшееся лицо внука:

– Что вытаращил глаза? Ты просто глупый мальчишка, если решил заикаться, не получив всех удовольствий мира. ...Ну, ладно, пойду я. Счастливо, дорогие мои Птички! – он обнял парня, и ушёл в прекрасный сад, прижимая к себе обнажённую красавицу и доедая шоколадный торт.

Ещё немного постояв у закрывшихся ворот, Антон поплёлся в ближайший циклоцентр. Можно было, конечно, полететь на флаере, но, честно говоря, хотелось прогуляться и подумать. Столько всего случилось! Сначала отец, потом дед... А ещё ведь надо подобрать верные слова, уговаривая заикнуть его раньше срока.

Но вот и вожделенный купол центра. Зеркальные стены, казалось, отражают всё небо и солнце. При приближении человека двери открылись, пропуская парня внутрь. Антон прошёл в пустой зал – в это время суток здесь никого не бывало, все приходили ближе к ночи – и встал в центр очерченного круга.

– Прошу разрешения на заикливание! – выкрикнул он.

– Назовите своё имя, фамилию и возраст, – бесстрастно отозвался металлический голос.

– Антон Птичка. Восемнадцать лет.

– Есть ли у Вас дети? – звучал классический допрос.

– Нет, – признался парень, помедлив. Впрочем, он знал, что обмануть сканирование невозможно.

– Заикливание разрешено только лицам, имеющим совершеннолетних детей. Спасибо за обращение к центру! Будем рады видеть Вас через несколько лет.

– Но мне нужно сейчас! – отчаянно закричал парень, но тишина была ему ответом. – Эй, послушайте! Есть там кто живой? У меня завтра концерт всей моей жизни! Я обязан заиклить именно этот день! Пожалуйста!

Но никто не отвечал. Да и странно было бы ожидать от роботов ответа: они уже отключились, приняв по поводу него решение, и теперь активируются, только если в здание зайдёт кто-то другой.

В волнении парень мерил шагами зал. Он не может уйти ни с чем! Ведь здесь не только машины, ими должны

управлять и люди! Конечно, они руководят множеством таких центров, и им не до каждого, кто решил с ними пообщаться, но он должен стать исключением!

Он вернулся в круг, посмотрел в огромный стеклянный глаз на потолке и вдруг, неожиданно даже для себя самого, пропел:

Давай поговорим с тобой о счастье?
Может быть, это земные радости?
Или только хорошие новости,
Когда счастье разрывает на части?
Но так ли это? Быть может, до Счастья
Нам как до неба ещё расти...

Песня была новой, и парень чуть не подпрыгнул от восторга, когда наваждение закончилось: он написал очередное творение вот так сходу, на лету! Такого вдохновения у него ещё не было.

А в центральной лаборатории в своём кабинете сидел сам глава и создатель циклоцентров – Игорь Иджтинан. Стена перед ним состояла из огромного голографического монитора, на котором попеременно показывались записи со всех камер наблюдения из центров по всей планете.

В этот час почти все центры были пусты. Потянувшись в огромном кресле, мужчина на секунду отвлёкся от своих бумаг, чтобы сменить песню. «Но так ли это? Быть может, до Счастья нам как до неба ещё расти...», – пел молодой го-

лос.

«Эта отнюдь не лучшая. И вообще я её не записывал», – промелькнуло в голове. И тут он понял, что не включал сегодня музофон. «Что за чертовщина?» – Игорь похолодел, ища взглядом источник звука. «Ведь она из пятого альбома! Я точно помню. Да она лет через двенадцать будет написана, не раньше!».

Никто, кроме него, не мог бы вытащить её из будущего. И даже подслушать и скопировать любопытные подчинённые не смогли бы: защитное поле делало кабинет полностью звуконепроницаемым.

Поразмыслив, Игорь вошёл в привычный транс и переместился на пару минут в прошлое. Он сидел в том же кресле, только часы показывали чуть более раннее время. И секунд через двадцать мужчина вновь услышал так поразившую его песню и расхохотался: «Да она же у меня в голове!». Осталось найти кудесника, способного внушать мысли. Заинтригованный, Игорь вновь погрузился в транс, на этот раз с целью найти источник воздействия. Разумеется, он тут же нашёл его: молодой парень в одном из его центров отчаянно пытался привлечь к себе внимание.

Не медля ни секунды, глава корпорации нашёл среди камер нужную и увеличил на стене, внимательно рассматривая парня. «Вот это да! Птичка! Антон Птичка!» – почти с восторгом подумал он. «Не зря ходили о нём разные слухи...» Он покосился на музофон – маленький голубой кристалл. И,

нажав на поверхность, скомандовал:

– Антон Птичка. Обложку пятого альбома.

Тут же над камнем появилась небольшая голографическая проекция: улыбающийся мужчина лет тридцати с гитарой в руках. А рядом размашистый автограф: «Игорю Иджтинану». Да, у него в зале, несомненно, был Птичка, одно что восемнадцатилетний.

– Что Вы хотите? – услышал, наконец, Антон долгожданный ответ. Мужской голос был не металлический, а, стало быть, это живой человек.

– Прошу разрешения на досрочное заикливание! – радостно закричал парень.

– Судя по имеющимся данным, у Вас нет совершеннолетних детей. Это невозможно.

– Но ведь иногда разрешают! В виде исключения!

– Верно. Больным, увечным, тем, кто не собирается или не может иметь детей. Тем, кто явно не принесёт пользу обществу.

– Я совершенно не собираюсь иметь детей, и от меня не будет никакой пользы! – взмолился парень. – Я целыми днями сижу с гитарой, я даже никакой профессии учиться не собираюсь!

Игорь улыбнулся. Молодой Птичка его забавлял. Однако, бегло просмотрев его данные, мужчина посерьезнел: у парня была умственно отсталая сестра. Надо же, а он и не знал: музыкант никогда не говорил о ней на публике.

– Ваше ходатайство рассмотрено, и Вам отказано в досрочном заикливаннии, – голос был неумолим, и Антон грустно опустил голову. – Но я прошу Вас передать своей сестре, Валерии Птичке, разрешение на досрочное заикливание и билет в «Рай». Разговор закончен. Пожалуйста, покиньте помещение.

Из проёма в стене выскочило два листка.

Откинувшись в кресле, Игорь задумчиво смотрел, как парень понуро взял документы и побрёл прочь из зала. «Надо будет приглядывать за ним. Интересные способности», – подумал мужчина.

Тем временем Аня пришла на работу. Её волновали дети: Антон совсем помешался на идее заикливания в день концерта, как будто уверен, что дня счастливее у него не будет, а Лера с утра словно специально делала всё, чтобы испортить матери настроение.

– Что? Явилась? – недовольно встретил её начальник. – Анна, график создан для всех, кроме тебя?

– Простите, Семён Викторович... – она вздохнула и отвела взгляд, вспомнив тяжёлое утро. – Муж заиклился, потом отец, ещё дети придумывают проблемы...

– Везёт же некоторым! – хмыкнул полненький мужичок. – И какой день он себе выбрал? – полюбопытствовал он. Последние десять лет он судорожно выбирал себе День Счастья, но никак не мог ни на чём остановиться.

– День рождения сына, – развела руками Аня. – Совер-

шеннолетие нашего младшего. Даже подождать не мог, в первый же шанс и заиклился.

– А, может, это и правильно. Вот жду, жду чего-то...

– Сверхприбылей ты ждёшь, – донёсся из соседнего открытого кабинета язвительный голос его заместителя и брата. – Царь Кощей над золотом чахнет...

Начальник хохотнул:

– Да. Эх, мечты... – он закатил глаза, но тут же вернулся к вопросам более земным: – Отчёт принесла? Мне сегодня отправлять его инвесторам.

Анна кивнула, открыла сумочку и похолодела: кристалл с записями был безнадежно уничтожен.

– Ну, чего возишься? – недовольно буркнул шеф, и она протянула ему оплывший камень.

Он побледнел:

– Ради всего святого, скажи, что ты сделала копию!

Аня устало села на стул и помотала головой.

– Это определённо Лера, – она вздохнула. – Она целый день ломает всё, что мне хоть сколько-нибудь дорого.

– Чёрт! – Семён выругался и заходил по комнате, наматывая круги. Только что он потерял такую сумму, что в страшном сне не приснится. – Ты не можешь свою полуумную сдать в интернат, как все нормальные люди, или хотя бы копировать все важные документы?! – заорал он, и Аня вздрогнула, как от пощёчины. – Знаешь что, иди-ка ты отсюда, – вдруг почти успокоился он. – Мне все твои проблемы вот

уже где. Расчет получишь в бухгалтерии.

Гордо подняв голову, Аня молча вышла из кабинета уже бывшего начальника. Но, оказавшись на улице, устало прислонилась к стене такого родного офисного здания. Сюда она пришла когда-то совсем девчонкой, поднималась от низов и дослужилась от руководителя отдела. Мимо проходили коллеги, здоровались, она старалась улыбнуться каждому, но в горле стоял ком.

Совершенно измотанная, женщина вернулась домой. Лера играла в гостиной с куклами, и Аня устало опустилась напротив неё на диван. Дочь улыбнулась ей, а потом, подумав, подбежала, села рядом и уткнулась лицом в колени:

– Мама, ты счастлива? Нет ведь, правда? У тебя не счастливый день?

– Совершенно не счастливый, – грустно улыбнулась Аня, погладив её по голове.

Лера радостно обняла её и убежала играть в соседнюю комнату.

Женщина откинула голову на спинку дивана и прикрыла глаза. Но отдохнуть не удалось: через несколько минут хлопнула входная дверь, и вошёл сын.

Антон, явно не в духе, мрачно бросил на стол две листовки:

– Все, кроме меня! Ну, просто все!

Мать подошла к столу и взглянула на документы: «Разрешение на досрочное заикливание Валерии Птичке», «Билет

в „Рай“ для Валерии Птички». Вздохнув, она погладила по голове сына:

– Однажды у тебя будет гораздо более счастливый день, чем завтрашний. И ты обрадуешься, что тебе отказали.

– Нет! – упрямо помотал головой парень, сжав кулаки. И, помолчав, добавил: – ты ведь не отдашь ей? – он кивнул на документы.

– Не сейчас, – мать со вздохом убрала их на верхнюю полку шкафа. – Но рано или поздно к нам придут из циклоцентра и поговорят с ней лично. – Она грустно улыбнулась: – может, и мне заиклиться, раз вы все так разом решили оставить меня?

– Нет!! – вдруг раздался от двери отчаянный вопль и плач. Лера смотрела на них несчастными глазами, размазывая по лицу слёзы и прижимая к себе любимую куклу.

– Лера, Лерочка, я пошутила, – сделала шаг по направлению к ней мать, но девушка с отчаянным воплем выбежала из дома. Аня и Антон, переглянувшись, помчались за ней.

Они не догнали её, а потом, вконец измученные, искали до темноты. Они уже медленно плелись от дома к дому, перебирая возможные варианты, когда Антона осенило:

– Крыша гипермаркета «Мировой»! Помнишь, в прошлом году она тоже туда убежала, когда я с ней поругался?

– Точно! – просияла Аня, и они помчались к высотке. Вид с крыши очень нравился Лере. Это место использовали даже как обзорную площадку города, приводили туда туристов, ну

а Леру было отсюда просто не вытащить, и в любую прогулку она обязательно просилась сюда.

Девушка и правда была здесь. Она явно замёрзла, сидя на бетонном полу, но уходить не собиралась.

– Лера! – помчались к ней мать и брат, едва увидев.

– Нет! – она отбежала от них на край крыши и снова заплакала. – Вы все уйдёте, как папа, да?

– Нет, Лерочка, доченька, нет... – замотала головой Аня, медленно подходя и протягивая руку. – Я же сказала, что никогда не исчезну без тебя. Пожалуйста, пойдём домой.

На мгновение девушка посмотрела на них задумчивыми мокрыми глазами, даже сделала медленное движение рукой по направлению к матери, а потом вдруг с резким криком: «Нет!!» прыгнула с высоты вниз. Анин крик переглушили сирены флаеров, а Антон помчался по лестнице к выходу из здания.

Пошатываясь и сжавшись от переполнявшей боли, Аня медленно подошла к краю. Потом подняла валявшуюся рядом испачканную куклу и прижала к груди. Внизу лежало тело её несчастного ребёнка: мёртвое, конечно. С такой высоты не выживают. Она увидела расталкивающего толпу Анто-на, и, развернувшись, сделала пару шагов по направлению к люку. А потом вдруг рванулась вперёд, помчавшись по лестнице к выходу, не разбирая дороги.

Прохладный майский ветер коснулся лица. Почти у самых дверей толпились люди, восклицая и охая.

– Такая молодая, красивая! Жить бы и жить... – вздохнула какая-то женщина, стоявшая неподалёку.

На мгновение Аня остановилась, но тут же снова побежала, что есть сил, однако не к телу дочери.

– Мама! Мама! Да стой же! – Антон догнал её почти у здания ближайшего циклоцентра. – Что ты здесь делаешь? – он схватил её за плечи. – Мама, Лерку не вернёшь! Пожалуйста, не сходи с ума! – он отчаянно обнял мать, не зная, ни как утешить, ни как образумить.

– Я в порядке, Антошка, – неожиданно спокойно сказала она и даже улыбнулась, хотя в глазах и стояли слёзы. – А сейчас я пойду. – Она отстранилась и серьёзно посмотрела в глаза сыну. – Ты прости, что даже нормально попрощаться возможности нет: до полуночи всего пара минут осталось, надо успеть, – она кивнула на купол центра.

– Но зачем??! – Антон не мог найти подходящих слов. – Ведь ты не будешь помнить будущее, ты не спасёшь её! И сегодня определённо не самый твой счастливый день, мама!

– Ты так думаешь? – она грустно улыбнулась. – Я проснулась в уверенности, что лежу рядом с мужем, потом последний раз увидела его хотя бы на голограмме, и это последний день, в котором я могу быть рядом с обоими своими детьми, отцом и – это уже мелочи – но у меня даже была любимая работа. Да, Антошка, я определённо хочу зациклить именно этот день. – Она порывисто обняла сына и почти побежала в сторону входа в здание.

Антон остался стоять, словно парализованный, глотая слёзы и смотря вслед последнему остававшемуся у него родному человеку. А потом, словно очнувшись, помчался за ней:

– Мама! Мама, пожалуйста, не надо! – забежав в холл, он в отчаянии забил кулаками в двери зала, но тот уже был герметично закрыт, чтобы не мешать человеку зациклить самый счастливый для него день.

Аня уверенно ступила в очерченный на полу круг и по-

смотрела в стеклянный глаз на потолке:

– Прошу заикливания! – выкрикнула она.

– Назовите своё имя, фамилию и возраст, – потребовал робот.

– Анна Птичка. Сорок лет.

– Есть ли у Вас дети?

– Да.

– Все ли они совершеннолетние?

– Да.

– Заикливание разрешено. Счастливого Вам дня!

С потолка спустился радужный луч, обволакивая и вводя в транс. Почувствовав себя так, словно всё страшное позади, Аня блаженно закрыла глаза. «Завтра утром... ах, нет, сегодня утром!» – она улыбнулась, – «всё будет прекрасно». А затем она отключилась.

Антон колотил в дверь до тех пор, пока она, наконец, не открылась. Часть стены совершенно неожиданно разъехалась в стороны, и он кубарем влетел в пустой зал.

– Мама! – закричал он, чуть не плача и понимая, что всё закончилось. Он встал в центр круга и заорал, глядя в потолок: – Я требую встречи с Игорем Иджтинаном! Я требую вернуть мою семью! Эй, слышите, вы! Я не уйду отсюда, пока не встречу с ним!

– Встречи с руководством возможны по особым причинам, – отчеканил металлический голос. – Назовите свои.

– Я лишился всех родных из-за него!

– Все зациклившиеся сами сделали свой выбор. У Вас типичная ситуация, руководство такими не занимается. Спасибо за обращение к центру!

Робот умолк, давая понять, что разговор окончен.

– Я не уйду отсюда! Ты понял? Я разобью всю эту лоханку железную, я буду колотить здесь всё, пока не поговорю с ним! – и чтобы не пустословить, парень тут же подошёл к монитору на стене и с размаху ударил по нему, но тут же запрыгал, потирая ушибленную руку, монитор же, как ни в чём не бывало, продолжал работу.

Неизвестно, чем бы закончилось это членовредительство, если бы в этот момент в зал не зашла девушка в серебристой форме сотрудников центра:

– Пожалуйста, пойдёте со мной. У входа Вас ожидает флаер. Игорь Иджтинан встретится с Вами.

Глава корпорации и один из самых влиятельных людей на планете надел халат поверх пижамы и с лёгкой грустью ожидал своего гостя. Он уже лёг спать, когда в голове у него прозвучал отчаянный крик: «Я требую встречи с Игорем Иджтинаном!». В ситуации он разобрался довольно быстро, но что теперь сказать парню?..

Антон мельком зло взглянул на роскошный дом. От его страстного желания зациклиться не осталось и следа: это приносит только боль! Поднявшись за сопровождающей его девушкой по широкой мраморной лестнице, он почти ворвался в кабинет хозяина.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Антон – глубоко дыша и едва сдерживая ненависть, Игорь – с любопытством и оттенком уважения: однажды этот пацан перевернёт мир музыки, и все власть имущие будут мечтать взять у него автограф.

Затем хозяин кабинета встал и подошёл к парню, собираясь поприветствовать гостя. Антон же бросился на него с кулаками:

– Я требую вернуть мою семью!!

Игорь мгновенно прижал мальчишку лицом к стенке:

– А ну-ка успокойся! Это был их выбор! Понимаешь?

Затем он усадил парня в кресло напротив и заставил выпить пару глотков вина. Они проговорили несколько часов, и, несмотря на слипающиеся глаза, Игорь думал: «Вот это да! Антон Птичка! В моём кабинете! Кстати, никак не удаётся встретиться, чтоб получить автограф на последний альбом... Попросить бы сейчас, да не поймёт», – мысленно усмехнулся он.

Антон сидел в некоторой прострации. Всю жизнь имя Игоря Иджтинана было для него и всех окружающих почти священным. А только что он хотел убить его, готовясь увидеть злодея под маской всемирного добродетеля. Но вот он сидит напротив одного из самых сильных мира сего, а тот выглядит как обычный человек, вырванный посреди ночи из постели.

– Я могу ещё чем-нибудь помочь тебе? – вежливо поинте-

ресовался хозяин, когда гость выпил ещё глоток вина и почти пришёл в себя.

– Да! – с вызовом ответил, подумав, тот. – Объясните мне, как работает зацикливание.

– А ты уверен, что поймёшь? – усмехнулся Игорь.

– Я физико-математическую школу окончил! – с обидой отозвался парень.

– Физика, математика и техника тут совершенно ни при чём, – задумчиво посмотрел на него Игорь. – Но ты, может, и поймёшь... – помолчав, он нажал на кнопку вызова, и тут же в комнату вошла хорошенькая девушка в одежде горничной. – Маша, подними этот шкаф и перенеси к окну, – махнул рукой хозяин дома.

– Сейчас позову Толика, – кивнула она, собираясь выйти.

– Ты не поняла. Я попросил тебя, – выделив слово «тебя» серьёзно ответил хозяин, – перенести шкаф.

Она побледнела:

– Да Вы что... он же весит больше, чем я... – сквозь испуг попробовала пошутить она, но Игорь смотрел без тени улыбки и, не решаясь прекословить, она подошла к шкафу, стараясь хотя бы немного сдвинуть его с места.

– Как ты думаешь, почему у неё не получается? – обратился Игорь к гостю, не знающему, что предпринять от такого поворота событий.

– Да потому что тут мужчина нужен и желательно не один! – крикнул, наконец, тот. – Прекратите эту экзекуцию!

– Хорошо, – улыбнулся хозяин и, подойдя к девушке, властно посмотрел ей в глаза: – Этот шкаф легче пушинки. Подними его и перенеси к окну, а потом верни на место.

Горничная, словно зачарованная, повернулась к шкафу и, легко приподняв, будто тот был бумажным, пронесла через всю комнату и обратно. Антон смотрел на это широко распахнутыми глазами.

– А сейчас возвращайся к своим делам и забудь про то, что здесь сейчас было, – заглянул в глаза девушке Игорь, и она покорно вышла из кабинета. – Какие-нибудь варианты, объяснения есть? – он вернулся в кресло и подмигнул парню.

– Ну, гипноз, и что? – буркнул тот. – Причём тут заикливание? Ведь это перемещение во времени!

– Да, на самом деле, нет никакой разницы, перенести тяжёлый предмет, который тебе обычно не по силам, или переместиться в прошлое. Или в будущее. Человеческий разум – это бездонные возможности. И только неверие в себя мешает воспользоваться ими.

– И как Вы заставляете людей поверить в себя? Да ещё одновременно в разных центрах по всему миру?

– Ну, Антон, это, конечно, уже программа делает. Программа, которую я написал. Луч и не улавливаемые ухом звуки, которые переводят работу мозга на альфа-ритм. После чего человек становится не только внушаем, но и сам обладает небывалой властью сделать всё, что угодно. Например, переместиться на сутки в прошлое, забыть всё, что он узнал

за последний день, но при этом полностью повторить его: каждое слово, движение – чтобы ничего не изменить в своём Дне Счастья, – он улыбнулся и, торжественно приподняв бокал с вином, сделал глоток.

– А почему происходит именно заикливание? Почему на следующий день он не продолжает жить, как все?

– Так. Тебе больше не наливать, – Игорь полушутя забрал у парня бокал. – Не задавай глупых вопросов. Если человек повторяет каждый миг – значит, повторит и приход в циклоцентр. Поэтому вся его жизнь и превращается в бесконечное повторение Дня Счастья.

Антон кивнул и, помолчав, спросил:

– А почему Вы всё это рассказали мне?

– Я боюсь, что рано или поздно ты понял бы это сам, и не спрашивай сейчас почему. И лучше, если ты узнаешь это от меня. Видишь ли, когда человек открывает в себе способности самостоятельно, он может переместиться, не теряя при этом память. А это ответственность. Нельзя изменять время, как бы этого ни хотелось нашим эгоистическим желаниям.

– Не переживайте, – хмыкнул Антон, не слишком-то поверив в то, что может подобное сам. – Я и перемещения во времени – понятия отныне параллельные. Не пересекаются. – Вдруг он поднял на Игоря округлившиеся глаза, поражённый внезапно пришедшей догадкой: – А сколько Вам лет?

– Сорок шесть, – пожал плечами тот.

– Но ведь лет пятьдесят назад уже были циклоцентры!

– Быхы, – утвердительно промычал тот, делая ещё глоток из бокала и кивая, а затем с любопытством посмотрел на гостя: – ...И?

– Когда Вы родились?

– А вот это уже интересный вопрос! Смотрю, соображаешь. Девяносто восемь лет назад.

– Вы что – всё время скачете во времени?

– Ну, не всё время... только когда скучно, – засмеялся Игорь. – Но! – он стал серьёзным, – Ответственность, мой друг! Ответственность! Нельзя ничего менять.

– Зачем Вам циклоцентры? На кой чёрт они вообще Вам понадобились? Похоже, Вы и без них вполне счастливы.

– Я-то счастлив, – вздохнул мужчина. – Но ты не видел планету полвека назад. Перенаселение, голод, эпидемии, войны... Причём большей частью населения были старики – представляешь, как сложно было работающим людям прокормить всех?

– И Вы «гуманно» убрали лишних, – съязвил Антон.

– Да, гуманно! – не ответил на издёвку Игорь. – Я убрал лишние рты и очистил население от больных и увечных. Тридцать процентов бюджета пошло на экономическое развитие! Ты можешь себе представить, какая это гигантская сумма! Добавь к этому то, что зациклившихся никто не убил, они живы и счастливы! В том дне, который выбрали сами. И, кстати, силком туда никого не тащат. Да ты сам только с утра рвался туда же. И знаешь почему? Потому что это

счастье плюс понятность и определённость. Смерть – это туман, неизвестность. Даже самые фанатично верующие, в конечном счёте, пришли ко мне в центр. Потому что страшно умирать, Антон. Гораздо легче выбрать день, в котором всё для тебя идеально, и зациклить его, остаться в нём навечно. ...Я создал для каждого его маленький рай.

– А Вы сами-то собираетесь воспользоваться Днём Счастья? – хитро прищурился Антон.

– Ну, разве что ты сумеешь меня загипнотизировать! – захохотал Игорь. – Может, когда-нибудь и сможешь...

– И какой день Вы бы выбрали тогда?

Игорь пожал плечами:

– Побольше приключений, приятных людей, интересного общения, ...хорошей музыки, – он улыбнулся. – Если честно, не знаю, Антон. Никогда не думал об этом, как о реальной возможности. Но теперь подумая, – он засмеялся.

Антон шагал в темноте прочь от особняка одного из самых известных и облечённых властью людей. Он наотрез отказался от комнаты для гостей и флаера. Хотелось идти, бежать, крушить всё вокруг, только бы не думать, что дома его больше никто не ждёт.

Он и сам не заметил, как оказался, в конце концов, где-то за городом, лёжа в чистом поле и смотря в небо мокрыми от слёз глазами.

...ЧЕРЕЗ 60 ЛЕТ

Главный зал телецентра едва мог вместить всех желаю-

щих. И, с трудом добившись тишины, ведущий вышел в прямой эфир:

– Здравствуйте! С вами шоу «Самый-самый» и сегодня у нас в студии самый старый человек на планете: известный композитор и певец Антон Птичка. Только подумайте: у нас в зале сидят его правнуки! Аплодисменты гостям!

Зал ахнул и, казалось, взорвался от оваций.

– Антон, скажите, – начал ведущий, когда, наконец, установилась тишина, – неужели за почти восемьдесят лет у Вас ни разу не было «идеального дня»? Вы не довольны жизнью? Что для Вас счастье?

Сухонький старичок обвёл весёлым взглядом зал:

– Кто? Я? Да я самый счастливый человек на планете. Ведь моё счастье длится не один день...

Вспомнить будущее

Мы привыкли к тому, что время течёт строго по плану: 12:00, 12:01, 12:02... и так далее без сбоев. Из точки А в точку Б и только по прямой. А представьте, что сегодня Вам двадцать, вчера было пятьдесят, а на прошлой неделе – восемь. И что, если переместиться можно дальше собственно-го рождения и смерти?

* * *

Моя жизнь перевернулась десять лет назад, когда на каникулы я поехал с друзьями в Индию. Шутя и фотографируясь на ходу, мы с моей девушкой Викторией и лучшим другом Максом, опередив остальных, вбежали через ворота, ведущие к Тадж-Махалу. Ворота построены так, чтобы полностью загораживать основное здание. Поэтому до последнего его не видишь, а потом вдруг делаешь один шаг – и мгновенно возникает он, прекрасный белоснежный Тадж-Махал.

Восхищаются и любят им многие, но я вовсе не такой ценитель архитектуры и прочего искусства, чтобы моя реакция на это место была хоть как-то объяснима: едва увидев его, я вдруг резко потерял равновесие, всё стало туманным, кроме этого белоснежного здания впереди, голоса приятелей стихли, а затем я почувствовал, что меня очень бережно несут на руках.

– Амрит, малышка, ты не устала? – тихо спросила мама,

наклонившись ко мне.

Мама?.. Ну, да, мама. Мысли в голове перепутались. Перед глазами был всё тот же Тадж-Махал, нещадно палило солнце, толпы людей в разноцветных одеждах шли по дорожкам. Только собственное тело казалось мне странно лёгким, почти невесомым, все окружающие вдруг стали выше ростом, и почему-то казалось одновременно естественным и нелепым, что мама несёт меня на руках.

А затем в голове прояснилось. Вот и папа рядом, и мой старший брат Викрант. Не покидало только ощущение, что мне только что приснился сон, а какой – не помню. Наверно, это от жары.

– Зря ты настоял на том, чтобы взять её с собой, Риши, – чуть укоризненно сказала мама отцу. – Девочка, да ещё такая маленькая, она и не запомнит, что была здесь, а устанет ужасно. Викранту надо привыкать помогать тебе в работе. Но дочку-то зачем везде с собой таскаешь?

– Она запомнит, Шивани, – с улыбкой уверенно ответил отец. – Поверь мне. Это место особенное. И люди со всего мира веками будут съезжаться сюда. Вот и она однажды вернётся и всё вспомнит, как только его увидит.

Эти разговоры и споры велись столько, сколько я себя помню. Уезжая куда-то, отец брал с собой Викранта и – игнорируя младших сыновей – меня. «Они ещё маленькие» относилось к мальчишкам от пяти до двенадцати лет, но почему-то не касалось двухлетней дочери.

В общем, ничего нового сейчас для меня не было. Только странно коробили слова «она» и «девочка» в отношении меня. Словно что-то надо было вспомнить... но что?..

– Амрит, иди ко мне, – отец забрал меня с маминых рук. Теперь его голова была совсем рядом с моей. При этом возникло ощущение, что я помню каждую его чётточку и при этом вижу впервые. Круглое улыбающееся лицо, черные волосы и борода, карие глаза... Вдруг он весело подмигнул мне, – ты не на меня гляди, а туда, – он указал на прекрасный Тадж-Махал, – смотри, какая красота. Однажды через много лет ты обязательно снова приедешь сюда.

Странное наваждение почти прошло: с папой всегда всё казалось очень просто. Поэтому, повернув голову, я снова посмотрела на это великолепие.

– А почему никто не фотографируется? – вырвалось вдруг. Только что здесь была толпа, занимающая очередь ради кадра. А была ли?... В голове снова затуманилось.

– ...что делает? – озадаченно спросил отец.

– ...фотографируется... – почти по слогам повторила я, только сейчас сообразив, что сказала это слово по-русски, в отличие от всех остальных.

Русский... Россия... фотоаппараты... туристы... мои друзья-однокурсники... Словно картинки мозаики смешались в голове, а у меня никак не получалось собрать их воедино. Как будто два кадра фильма наложили друг на друга. В одном меня, двухлетнюю девочку в красном платье, на руках

держали родители-индусы, а в другом была толпа русских студентов, одним из которых был я.

Папа перехватил меня, взяв за подмышки, и посмотрел в глаза. Серьезно и задумчиво на этот раз. И в голове резко прояснилось: меня зовут Костя!! Я парень, мне двадцать лет... и что, чёрт подери, происходит?! Ведь девочка Амрит это тоже я, определенно.

– Аааааа!!.. – только и удалось мне заорать, желая изо всех сил оказаться Костей, которому всё было просто и по-

нятно.

Лица моих друзей стояли в голове. Но еще яснее виделись папины карие глаза.

– Макс!! – удалось вспомнить мне, наконец, имя лучшего друга. – Макс!!

И тут мне надавали по щекам, и туман рассеялся.

– Костян, ты в порядке? Эй! – друг тряс меня за плечи.

Я стоял всё так же, глядя на Тадж-Махал, а вокруг столпились обеспокоенные приятели.

– Чёрт подери, как же я рад всех вас видеть... – только и мог сказать я.

– Что случилось-то?

– Перегрелся?

– Воды давай выпей, – Вика протянула мне бутылку.

– Перегрелся, наверно, – выдохнул я, чувствуя, что и сам до конца ещё не осознал, что же произошло...

С тех пор подобное случалось часто, и постепенно я понял основные правила этого процесса.

Во-первых, ситуация, являющаяся «дверью» для такого перемещения, должна быть похожей. Во всяком случае, должно произойти что-то одинаковое в моей жизни, Константина Лазарева, и того человека, которым я становлюсь.

Во-вторых, этот момент должен вызвать во мне более-менее сильные эмоции. Причем годятся любые: радость, злорадство, восторг – что угодно, кроме равнодушия.

В-третьих, при перемещении я получал память этого че-

ловека, знание языка, даже менял пол, полностью ощущая себя мужчиной или женщиной без каких-либо моральных проблем по этому поводу.

И, наконец, каждый раз, перемещаясь, я ощущал всеми фибрами души, что это я, моё тело, моя жизнь.

При этом время и пространство, похоже, не имели ровным счётом никакого значения, поскольку попасть я мог на другой континент за столетия до своего рождения.

Впрочем, на самом деле, перемещался я лишь в двух людей: маленькую индианку Амрит из начала 18-ого века и немецкого парня по имени Маркус из конца 19-ого. Единжды попав в их тела, я начинал чувствовать их, что давало мне впоследствии свободу попадать в их жизни по собственному желанию. Однако попасть по своему хотению куда-то ещё я, увы, пока не смог.

...От воспоминаний меня отвлёк мамин звонок.

– Дорогой, у тебя всё в порядке? Не заходишь, не звонишь...

– Мам, ну, всего три дня не объявлялся, а ты уж и волнуешься.

– Конечно, волнуюсь! Костя, ты живёшь один как в пещере, хоть бы женился, наконец, всё б мне спокойнее было...

Ну, вот, мама села на своего конька. Ну, как объяснить ей, что моё сердце занято, но эта девушка не моя... Точнее не совсем моя.

Ангелика... Мой милый светловолосый ангел. Однажды,

гуляя по берегу реки, я увидел издали девушку в чем-то белом – и попал в уже знакомый туман.

– Птички, смотри! Клеменс, где птички? – Ангелика в длинном белом платье присела на корточки перед малышом, который едва учился говорить.

– Ачки! – довольно повторил наш сын, показывая пальчиком на озеро.

Так я впервые их увидел. Мою семью. Ещё одну мою семью.

– Маркус! – она подняла на меня глаза, полные нежности и любви, и встала, беря за руку сына. – Пойдём к папе.

Я смотрел, как они подходят ближе, и не понимал, как же парень по имени Костя столько лет мог жить без них. Бедняга!.. А ещё мне-Косте вдруг безумно захотелось врезать по челюсти мне-Маркусу за то, что Ангелика не совсем моя.

Она обвила руками мою шею:

– Что-то случилось?

В её глазах было столько нежности и кротости, так на меня никто прежде не смотрел. Словно мой ангел-хранитель спустился с небес и воплотился в человеческом обличье. И за что она полюбила меня, бандита и вора? Ангелика навсегда изменила ту мою жизнь, спасла мою душу.

Вернувшись в тот раз из путешествия, я помчался к Вике, с которой тогда встречался уже пять лет, чтобы разорвать отношения, не имевшие, как я мгновенно понял, ничего общего с любовью.

– ...вот Танечка, моя соседка, ну чем не понравилась тебе? – продолжала между тем наставления мама.

– Она чудо... сущий ангел... – задумчиво пробормотал я, но тут же очнулся от мечтаний, – мам, хватит меня знакомить с девицами всякими. Я в состоянии найти себе девушку.

– Да уж, «в состоянии»!.. Вот Вика, какая чудесная девушка была, и умница, и красавица, и всё при ней... Порвал отношения с ней на ровном месте, а она теперь с приятелем твоим Максимом построила нормальную семью. Поженились недавно, я видела их вчера.

– Отлично, флаг им в руки, – уже резковато ответил я, потому что тема Вики и моего бывшего лучшего друга Макса была болезненная.

Я и сам встретил их буквально пару дней назад. Счастливая парочка, держась за руки, важно прошествовала мимо меня, старательно смотря мимо.

– Ладно, мам, мне бежать пора, у меня встреча с клиентом назначена, и машина как назло встала, такси придётся вызывать... – поспешил закруглить я неприятный разговор.

– Да? – на удивление радостно переспросила мама. – Хотя одна хорошая новость. А то вечно гоняешь, не пристёгиваясь.

– Ты же знаешь: у меня с детства аллергия на ремень, – привычно пошутил я.

Такси я решил подождать во дворе, дома не сиделось. Ма-

ма, конечно, права: жил я как в берлоге. С девушками после встречи с Ангеликой всерьёз встречаться не мог и друзей после ссоры с Максом тоже в свою жизнь не пускал.

Присев на свободную скамейку, я смотрел на играющих на площадке малышей. «Вот бы и наш Клеменс мог играть тут», – тоскливо пронеслось в голове, но я тут же, похолодев, одёрнул себя: «Так, спокойно. Я Костя. Костя, а не Маркус!».

Дети меж тем затеяли опасную игру: раскачиваясь на качелях, прыгали с них в полёте в песочницу.

– Э-ей... – только привстал я, собираясь образумить прыгунов, но одна из девочек уже ударилась головой о край песочницы.

Все взрослые, находившиеся во дворе, помчались к закричавшим детям, а меня окружил знакомый туман.

– Отойдите, я буду прыгать! – собственный восторженный возглас вывел меня из обычного после перемещения забытья.

– Надя! – послышался сбоку встревоженный мужской голос.

Перед глазами мелькал в полёте край моего розового платья и белые туфельки, а потом, по инерции уже приготовившегося к прыжку тела, оно дёрнулось вперёд, а через мгновение резкий удар угла песочницы в висок меня отключил...

– Успокойтесь, мамаша, сядьте, – резковатый женский голос вывел меня из забытья. – О, вот и очнулась красавица.

Грубоватое лицо женщины лет сорока в белом халате

склонилось надо мной, а на моей кровати сидели... Вика и Макс.

– Какого чёрта вы тут делаете? – не знаю даже, чего во мне было больше: удивления или раздражения.

Они переглянулись, а Макс нахмурился:

– Где ж нам ещё быть?.. Ну, как ты себя чувствуешь?

– Вашими молитвами... – на самом деле мне хотелось выдать что-нибудь пожёстче, чтобы они поскорее свалили отсюда.

– Надя! – собирался, видно, что-то резко высказать мой бывший друг, но Вика сжала его руку и придвинулась ближе ко мне, поглаживая меня по голове.

Её вид меня несколько озадачил. Пышные жгуче-чёрные волосы убраны в строгий пучок, юбка до колен, вечно длинные ногти-когти коротко обрезаны... Куда делась яркая красotka, с которой я когда-то встречался?..

И тут взгляд мой упал на висевший на стене календарь. 2020-й год... В памяти закружились картинки очередной мозаики... Розовое платье на мне, качели, песочница, удар в висок... И это имя сейчас – Надя... Впервые после перемещения память нового человека не завладела мной сходу. Видимо, из-за того, что Костя Лазарев тоже знал этих людей.

– Папа?! Мама?!.. – признаться, ощущать себя новым человеком было не так жутко, как осознать, кто передо мной.

– Ну, слава Богу, пришла в себя, – поцеловала меня в лоб Вика.

Память молниеносно прояснялась. Вот мои мама и папа, а меня зовут Надя, мне шесть лет.

Честно говоря, возникло желание орать от ужаса. Я дочь этих предателей?! Да в страшном сне не приснится такое. А ещё впервые мне всерьёз захотелось разобраться, как работает эта система: почему я перемещаюсь в одних людей, а не в других.

«Папа Риши – вот кто мне поможет», – подумалось вдруг. Из всех моих близких в этих разных мирах он лучше всех, казалось, понимал, что со мной происходит. И, зажмурившись, чтобы не видеть обеспокоенные лица моих бывших друзей, а ныне родителей, я настроилась на Амрит. Спасительный туман закружил почти сразу. Какое счастье! А то, наверно, пришлось бы бежать от них по старинке, на собственных ногах.

Оказавшись в теле Амрит, мне удалось немного успокоиться. Индийская жара вообще не располагает к суе и беспокойствам.

Моя комната не изменилась. Как же хорошо быть дома после ужаса, пережитого в больнице будущего. Посмотрев в зеркало, я быстро поправила длинные черные волосы и красно-зелёное сари. В Костиной России начала 21-ого века я бы, наверно, была совсем ребёнком. А здесь в мои двенадцать лет уже надо быть девушкой.

Судя по звукам, отец находился в кабинете. «Хватит колебаться», – стараясь придать себе уверенности, я подошла

к двери: «Пора поговорить».

К моему удивлению (а, впрочем, всегда чувствовалось, что папа Риши всё понимает), мне даже не пришлось подробно объяснять.

– Так должно было быть, – спокойно кивнул он. – Для этого я и вожу тебя с собой по всей стране. Чтобы помочь тебе вспомнить. Как только ты видишь что-то знакомое – это проясняет твою память. Поэтому ключ к ней – видеть как можно больше мест.

– Но почему я попадаю именно в этих людей? Почему не в других?

Отец засмеялся:

– Ты попадаешь в себя, дочка.

Меня аж передёрнуло:

– Ну, тогда у меня раздвоение личности... Точнее, уже расчетверение...

– Разве? – он приподнял брови. – Вот сейчас ты моя дочь Амрит.

– Но я помню ещё троих себя!

– Помнишь – да. Но ощущаешь ты себя как Амрит?

– Пожалуй, да...

Папа изучающе с улыбкой смотрел на меня. А мне, честно говоря, подумалось, отчего он даже не спросит, как живут люди в другой стране в другом времени. Неужели ему совсем не интересно? Но он не спрашивал и ему, казалось, это совершенно безразлично. А, может, он просто сам всё знает?

– А с тобой когда-нибудь такое случилось, папа?

– Нет, – он пожал плечами и задумчиво посмотрел в окно. – Каждому своя судьба.

– А что значит «попадаю в себя»? Ведь эти люди – Костя, Маркус, Надя – они не я, не Амрит?

Он улыбнулся и посмотрел на меня как на младенца:

– Если ты сейчас наденешь жёлтое сари или голубое, то ты перестанешь быть Амрит? Тело – это всего лишь одежда, малыш.

– То есть их жизни – они мои?..

– Конечно, – он засмеялся, – мне странно, что ты не поняла этого раньше. Ты что же, думала, что завладеваешь чьим-то телом на время? А какую же из этих жизней ты в таком случае считала своей?

Я заёрзала на стуле:

– Кости...

– И почему? – карие глаза шурились от смеха.

– Потому что из его жизни начались перемещения...

– То есть первое сари, в котором ты себя помнишь – твоё, а остальные чужие? – папа откровенно смеялся.

Я тоже улыбнулась. Признаться, самое радостное в этот момент для меня было понять, что он на самом деле мой отец. И Ангелика именно моя жена, а не чья-то, а Клеменс мой сын. И все мои братья, сёстры, мамы и папы – они все моя настоящая семья.

– Но... если я вдруг вспомнила свои прошлые жизни, то

как я могла туда попасть и что-то менять там?

– Менять как раз не советую, – посерьёзnel папа. – А в чём проблема туда попасть?

– Ну, как же... – его лёгкое отношение к тому, что шокировало бы любого другого, меня поражало, – ведь это время прошло, его уже нет...

– Времени не существует, – он подошёл к окну, чтобы прикрыть его. Стало душно, но зато шум улицы не мешал говорить. – Это иллюзия. Каждый миг существует здесь и сейчас, просто мы перемещаемся из одного в другой. Ведь соседняя комната не перестала существовать, если ты сидишь в этой?

– Почему же я не могу везде путешествовать как Костя или как Амрит?

– Потому что если твоя душа шагнёт в другое время, то окажется именно в том теле, в котором существует там. Перемещается душа. Способов перемещения физического тела я не знаю, – улыбнувшись, он развёл руками.

– А как я могла попасть в будущее? Ведь Надя, она...

– Опять ты о том же, вот чудачка! Какая разница, налево пойти или направо.

– Допустим... – голова, казалось, разбухла от обилия мыслей, – но как я могу быть одновременно двумя людьми?

– А вот так не бывает, – пожал плечами отец.

– Но... как же... – уже догадываясь об ответе, я похолодела, – Костя живёт в 2013-ом, а Надя родилась в... – я су-

дорожно подсчитывала, – 2014-ом...

– Значит, в этот период и произошло перерождение, – спокойно кивнул папа и глотнул остывший чай из стоявшей на столе чашки.

Хорошо хоть он не употребил слово «смерть». Во всяком случае, его версия звучала не так жутко.

Находясь в теле Амрит, было не столь страшно ощущать эту новость, но всё-таки в висках стучало: «Мне что – осталось жить меньше года?...». Нет, я всё понимаю, точнее чувствую. Конечно, душа останется жить, будет Надя, и даже больше того: останутся все те же Амрит, Маркус и Костя, и я буду так же путешествовать в их тела. Но память материалиста Кости не давала покоя мучительно стучащим в голове словом «смерть». Да и, если отогнать эти страхи, просто жаль родителей – тех, Костиных, жаль его непрожитых лет, а ведь мне-Косте всего тридцать. Именно сейчас встал на ноги, заработал на роскошную квартиру, бизнес едва закрутился, жизнь только началась... И променять её на то, чтобы снова стать ребёнком, да ещё родиться у этих предателей, Вики и Макса?! К горлу подступила тошнота.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Как хорошо, что у меня есть папа Риши, который вовремя мне всё это объяснил. И как удачно, что Надя родилась так близко по времени к моменту смерти Кости и в том же месте. Думаю, мне не составит труда выяснить, как именно он погиб, и подстелить соломку. Здоровье у него как у космонавта, на-

верняка там произошёл несчастный случай.

– Спасибо, папа, – я встала, мысленно настраиваясь на Надю, – мне очень важно всё, что ты сейчас сказал.

Он изучающе посмотрел на меня и что-то явно собирался добавить, но я уже была в процессе перехода, и в следующее мгновение передо мной возникли напряжённые лица Макса и Вики.

– Похоже, легко отделалась, – констатировала неприятная врачиха, бегло осмотрев меня.

– Я чувствую себя хорошо, – быстро добавила я, мечтая выбраться отсюда. – Мы можем поехать домой?

– Можно её забрать? – повернулся к врачихе Макс.

– На рентгенографию черепа в пятый кабинет, и если всё в порядке, то не задерживаю, – буркнула она, выдавая моим новым родителям направление.

Нас отпустили довольно быстро. Похоже, я действительно отделалась лишь небольшой шишкой.

– Пристегнись, – сказал мне Макс, когда мы сели в машину.

– Ты же знаешь: у меня с детства аллергия на ремень, – забывшись, привычно пошутила я и тут же прикусила язык, увидев в зеркале вздрогнувшие лица родителей.

– С какой это стати? – медленно спросил Макс.

– Слушай, я на заднем сиденье, какая разница!

Так называемый отец, а в прошлом друг-предатель, повернулся ко мне:

– Надя! Пристегнись немедленно!

Вика взяла его за локоть, словно успокаивая, и тоже обернулась:

– Надюш, пожалуйста, сделай, как папа сказал.

Закатив глаза, я пристегнулась. Не то чтобы мне очень было важно её «пожалуйста» или очень страшны его приказы. Просто надо было уже куда-то двигаться.

За семь лет город неувовимо изменился: расширили почти все более-менее центральные дороги, вырубив деревья и сэкономив на пешеходных дорожках, поставили пару новых памятников, а, самое ужасное, что повсюду гремела аудио-реклама, переглушая одна другую.

Макс подрулил к двухэтажному частному дому. Я знала эту жизнь, как и все остальные, лишь эмоции Кости делали новые воспоминания иногда туманными. Поэтому немного неуверенно я направилась к дому, соображая на ходу, где находится моя комната.

– Надюша, пойдём помоем ручки, и пора ужинать, – доннала меня Вика, беря за плечо и на ходу заглядывая в глаза.

– Да, поужинать не помешало бы. Мама. – Честно говоря, я не представляла, как с ними общаться. – А руки я умею мыть самостоятельно. – Я изо всех сил старалась сохранить нейтрально-вежливый тон.

Дом, право, меня поразил. А молодец Макс, как раскрутился... несмотря на злость, не восхититься было невозможно. Всего за каких-то семь лет из однокомнатной квартирки

заработать на такую махину – респект.

Ужин проходил в несколько напряжённой атмосфере.

– Может, не стоит идти завтра на собеседование? – нарушила, наконец, молчание Вика, посмотрев на мужа. – Думаю, ей следует отдохнуть после сегодняшнего.

– Отдохнуть следует. – Нахмурившись, Макс вздохнул. – Но тогда нам придётся осенью идти в обычную школу.

Ах, ну да. Они уже с полгода твердят про лучшую в городе гимназию. И завтра нам туда идти.

– Да, мне бы лучше отдохнуть, сегодняшняя травма вряд ли позволит мне хорошо сдать этот экзамен, – вставила я. Не слишком-то хотелось тратить время на дурацкое собеседование для жизни, которой просто не будет после того, как я изменю смерть Кости.

– Что-то болит? – тут же с беспокойством спросил Макс, положив руку мне на лоб.

– Да... – я судорожно соображала, как бы не переборщить в диагнозе, – ...голова.

– Викуль, уложи её спать, – вздохнул мой отец.

Мои надежды на то, что утром они оба свалят на работу, и мне удастся незаметно сбежать из дома или детского сада, не оправдались. Макс решил, что собеседование слишком важно.

– Но у меня от волнения может голова разболеться, а она и так травмированная! – без толку убеждала я.

– А ты не волнуйся, – Макс присел передо мной на кор-

точки и взял за плечи. – Примут – прекрасно, не примут – в обычную школу мы всегда успеем. Надюша! Считай, что мы просто идём поболтать, в гости. Хорошо?

– Хорошо, – хмуро буркнула я, поняв, что не отвертеться, и проще уже туда сходить.

Современное и светлое здание гимназии вызвало у меня тоску: ещё не хватало мне снова отучиться в школе! Какое счастье, что в мои планы это не входит.

– Здравствуйте! – Макс чуть подтолкнул меня вперёд, как только мы зашли в кабинет к комиссии.

– Здравствуйте. Присядьте вот здесь, – показали ему на стул у стены. – А ты подойди сюда, – женщина в центре строго, но в целом доброжелательно смотрела на меня. – Скажи мне, сколько на этой картинке вишенок? – она показала на одну из многочисленных картинок на стене: ягодки, грибочки, машинки – в общем, всё для детишек.

– Ни одной, – хмыкнула я. Что-то сразу захотелось выпендриваться и заодно заставить Макса чувствовать себя неловко. Ага, побледнел сразу, засранец... А нечего было тащить меня сюда. Говорили же тебе, что голова болит.

Женщина нахмурилась:

– Посмотри повнимательнее. А вот это что? – она ткнула пальцем в картинку.

– Это черешня. И их тут семь. – Выглядела я уже нагло-вато и захотелось смягчить, поэтому я пояснила: – вишня темнее.

Учителя сразу заулыбались, а главная экзаменаторша даже не обиделась.

– Хорошо, молодец. Расскажи нам какое-нибудь стихотворение.

Нахмутив лоб, я пыталась хоть что-то сообразить. Макс на своём стуле изошёлся весь, губами суфлируя мне «Ехали медведи на велосипеде».

А, сам ты медведь! Я вскинула голову:

Мы двадцать лет – почти всю жизнь! – с тобой дружили,
Порой мне кажется, что ссора – страшный сон.
Сейчас проснусь – и сразу же исчезнет он.
А, может, сон был в детстве? Мы ли это были?

Вдруг, загуляв с моей девчонкой, ни за что,
Ты говоришь, что больше мы с тобой не дружим,
И видеть боль мою тебе совсем не нужно,
Тебе и смерть моя была бы нипочем.

О, нет, Макс, я не буду бить тебя и спорить,
Оставим это всё отпетым дуракам.
Мне просто невозможно мысли перестроить,
Гораздо проще пить пойти по кабакам.

Сложно после боли вспоминать о хорошем
И так легко плохое в сердце воскрешать.
Но как забыть тому, кто «лучшим другом» брошен?..
Когда же, наконец, я научусь прощать?..

Я вновь вдруг не могу смотреть на ваши лица,
И сердце будто только сегодня избито.
Эх, сейчас бы мне, память вырубив, напиться...
И ничто не прошло, и ничто не забыто.

А впрочем, уже всё равно. В конце концов,
Все рассуждения глупы и бесполезны.
Вы оба мне сейчас совсем неинтересны.
Не стоило держать среди друзей врагов.

Макс смотрел на меня широко распахнутыми глазами.
Я мельком довольно подумала, что ради такого его взгляда
можно было потерпеть и ненавистную роль его ребёнка, и
этот дурацкий никому не нужный экзамен.

Комиссия, казалось, тоже была озадачена:

– А кто автор? Как называются стихи?

– Константин Лазарев, – на этих словах Макс, к моему
удовольствию, ещё раз вздрогнул, – ...mmm... без названия.

– Стихи, конечно, не по возрасту... – нахмурившись, про-
бормотала одна из учительниц, строго глянув на моего и без
того шокированного отца. – Но читала хорошо, – она обод-
ряюще мне улыбнулась.

Домой мы ехали молча.

– Где ты прочитала эти стихи? – наконец, спросил Макс
перед самым домом, нервно постукивая пальцами по рулю.

Я пожала плечами:

– В интернете.

Он вздохнул и зарулил во двор.

Следующие три дня, к моему глубокому разочарованию, они на работу не ходили и не отпускали меня ни на шаг. Честно говоря, я уже подумывала сбежать ночью через окно.

Я пыталась найти что-то о смерти Кости Лазарева в интернете, но, поскольку речь не о звезде шоу-бизнеса, мои поиски ничем не увенчались. Мне просто необходимо было вырваться из-под родительского надзора, найти ту свою семью, дом, могилу, в конце концов. Хотя бы узнать дату смерти, чтобы в тот день сидеть в каком-нибудь бомбоубежище и не высовываться.

Макс зашёл в свой кабинет, как раз когда я собиралась смыться.

– Что ты здесь делаешь? – он недовольно поднял брови. – Надя, у тебя есть свой компьютер, и не надо больше залезать в мой. Хорошо?

– Да он атрофированный, – буркнула я. – Кроме пары сайтов с играми никуда не зайти. Это в принципе оскорбление – называть ту розовую погремушку компьютером.

– М-да? – Макс прищурился. – И куда же ты хочешь зайти? – с этими словами он наклонился к экрану и вздрогнул, увидев страничку поисковика с забытыми словами «Константин Лазарев», которую я не успела закрыть.

Перехватив у меня мышку, он судорожно нажал на крестик в углу. Положа руку на сердце, было до чёртиков при-

ятно наблюдать за тем, как он вздрогнул. Ага... рыльце-то в пуху...

– Надя! – он сел напротив, взяв меня за плечо. – Где ты услышала это имя?

– Я же сказала: в интернете, – пожала я плечами, усмехаясь про себя. Ну-ну, помучайся, предатель...

– А сейчас что ты ищешь о нём? – помедлив, спросил Макс.

– Ещё какие-нибудь стихи... – я задумчиво посмотрела в потолок. – Информацию о его жизни, о смерти...

– С чего это ты взяла, что он умер? – мрачно пробормотал мой бывший друг, глядя в сторону.

Вот так-так... даже не знает, что Костя Лазарев мёртв?.. Ну, конечно, мы давно не друзья, но чтоб так...

– Предположила просто... – меня переполняли шок, злость и боль. Даже на моих похоронах не был! Даже о смерти не знает! – А ты полагаешь, он жив?

– Наверняка, – Макс неопределенно махнул головой. – С чего бы он умер?..

– А ты знал его, да? – я тихо наблюдала за его реакцией. Не знаю, чего хотелось. Чтобы он зарыдал и сказал что-то типа «Мы были лучшими друзьями двадцать лет, а потом я предал его! ...Как я мог!»? Возможно...

– Надюш, иди спать, – он грустно посмотрел в окно, а я, вздохнув, пошла к двери. – ...И я запрещаю тебе впредь подходить к моему компьютеру! – строго донеслось мне в спину.

– Слушай, а тебе на работу не пора?! – неожиданно даже для себя, заорала я, развернувшись. – Что вы оба сутками дома сидите который день?! У вас деньги сами по себе, на деревьях растут?!

У него отвисла челюсть.

– Ты как разговариваешь с отцом? Избаловалась совершенно!

На крики прибежала Вика:

– Что за шум у вас тут?

– Да твоё порочное воспитание! – бросил он, мрачно вставая. – Хотели ребёнка после травмы дома поддержать хоть несколько дней, я едва с работы вырвался, чтобы с ней побыть, а, оказывается, ей не терпится от нас избавиться! Тебе в детский сад захотелось? – прищурился он.

– Я бы лучше посидела дома одна, – скрестив руки на груди, парировала я. – Но можно и в детский сад.

– Отлично! Завтра туда и отправишься! И только попробуй мне заныть перед входом!

– Не дождёшься, – послала я ему холодную улыбку и, оставив их в полном ошеломлении, убежала к себе.

По большому счёту, он удивлял меня своей мягкостью как отец. Родители Кости давно бы уже достали ремень. Впрочем, может, просто чувствовал, что со мной (по крайней мере, теперь) такой номер не прокатит: самого хлестану так, что мало не покажется, а потом ещё засуну этот ремень ему в задницу.

Следующим утром Макс молча отвёз меня в детский сад. Все дети уже играли на улице, поэтому провожать меня необходимости не было: он просто подрулил во двор.

– Надя! – окликнул он меня из машины, когда я была уже на полпути к моей группе. – Веди себя хорошо. Ладно? – вздохнув, он проводил меня взглядом.

– Не вопрос, – послав ему ледяную улыбку, я направилась к воспитательнице и детям и добавила себе под нос: – катись уже.

Сбежать из детского сада, имея опыт взрослого человека, оказалось делом несложным. Одна воспитательница на два десятка детей – да у неё физически не хватит глаз уследить за всеми. Так что буквально через полчаса я шла к ближайшей автобусной остановке.

Как я и подозревала, в моей квартире жили чужие люди. А вот в родительском доме надеялась застать ...хоть кого-нибудь из близких. Что я им скажу и кем представлюсь, честно говоря, пока не думала. Главное – увидеть.

– Девочка, тебе чего? – незнакомая женщина, явно оторванная мной от домашних дел, смотрела на меня с оттенком беспокойства, ища глазами взрослых.

Я вздохнула:

– Здесь раньше жила семья... Лазаревы. Вы не знаете, где они сейчас?

– Уж лет шесть, как мы сюда въехали... Понятия не имею. Да и мы у посредников дом покупали. – Но, посмотрев на

моё помрачневшее лицо, сжалилась и напрягла память: – впрочем... вроде, риэлтор говорила тогда, что предыдущие хозяева уезжать за границу собрались. Горе у них какое-то случилось, так что всё спешно продавали и уезжали. Но подробностей уж точно не знаю.

– Ясно... – понутив голову, я медленно пошла прочь от родного дома.

– Девочка! – донеслось мне вслед, – почему ты здесь одна бродишь? Тебе сколько лет?

– Много... – махнула я рукой, не оглядываясь, а потом побежала: надо успеть ещё в одно место, пока эта добрая самаритянка не вызвала полицию или органы опеки.

Последним пунктом моих надежд было кладбище. Всех в нашей семье хоронили рядом, так что не должно быть трудно отыскать собственную могилу.

Как только я села в очередной автобус, впервые зазвонил сотовый. Макс! Послав его словом, от которого все вокруг сидевшие взрослые поморщились и выразительно посмотрели друг на друга взглядом, в котором читалось «Чей ребёнок? Займитесь воспитанием!», я нажала «отказать» и отключила звук.

У входа, как и прежде, старушки продавали цветы, но денег у меня не было. Впрочем, не идти же с пустыми руками, да и, благо, лето, так что я просто нарвала ромашек.

Могилы бабушек и дедушек были на месте, но в совершенно запущенном состоянии. Постояв немного и положив

букеты, я пошла по рядам, смотря на памятники. И через пару метров застыла как вкопанная, глядя на собственное улыбающееся лицо. Ну, конечно, не совсем собственное: лицо Кости Лазарева.

Меня прошиб озноб. Одно дело осознавать, что ты ищешь свою могилу, а совсем другое – стоять рядом с ней. Вот здесь под землёй лежит мой труп, посиневший и изъеденный червями... от таких мыслей к горлу подступила тошнота, и я плюхнулась без сил на ближайшую скамейку. Ещё, честно говоря, в голову лезли всякие глупости, типа «и зачем весь последний месяц надо было ежедневно пропадать в спортзале, если всё равно тело окажется тут».

Я не заметила, сколько просидела так. И не сразу услышала приближающиеся шаги и взволнованный окрик:

– Надя!

Подбежав, Макс сел на корточки и схватил меня за плечи:

– С тобой всё в порядке? ...Господи, что ты здесь делаешь? – на его лице выражалась такая мука, что впервые стало его жаль.

Я вздохнула и тихонько вырвалась:

– Надо положить цветы, – с этими словами я пристроила последний букет возле памятника.

Когда я оглянулась, его лицо было мертвенно бледным под стать месту, где мы находились. Он неотрывно смотрел на фотографию и едва шевелил пересохшими губами:

– ...седьмое ...июля ...две тысячи тринадцатого... семь

лет назад... семь... лет... назад... Господи... Костян...

Теперь у него подкосились ноги, и он практически упал на скамейку. Вздохнув, я села рядом. Макс медленно приходил в себя, а на меня напал новый приступ озноба: я только сейчас прочитала дату смерти, а ведь это тот самый день! Тот самый день, на детской площадке!

Из шока моего так называемого отца вывел телефонный звонок. Словно очнувшись, он резко вытащил из кармана пиджака сотовый:

– Да! Викуль, я её нашёл, всё хорошо... – но продолжал он смотреть на памятник, а во взгляде отражалась такая боль, что я почти узнала прежнего Макса, лучшего друга, который только так и мог бы смотреть на мою могилу. – Ты знаешь... тут... – он сглотнул, – Костян умер. Давно уже. Семь лет назад.

Я не слышала, что отвечала ему Вика, но его лицо снова искажилось и, сгорбившись, он мрачно смотрел в землю.

– Да... я слушаю, слушаю... – через пару минут отозвался он. – Да, мы выезжаем сейчас, через полчаса будем.

Только в машине он вспомнил, что его шестилетний ребёнок неизвестно отчего попёрся на кладбище, сбежав из детского сада.

– Что ты там делала?

Хотелось огрызнуться «не твоё дело», но он немного расстрогал меня реакцией на мою смерть, так что я решила не хамить:

– Отдавала дань памяти... любимому поэту... – звучало глупо, но наглость – второе счастье. Такие вещи главное говорить дерзко и уверенно. В конце концов, почему бы и нет?

– Какой поэт! Он экономист! – глаза и руки Макса не могли ни на чём остановиться.

– И поэт. Любитель. ...Слушай, ты не мог бы вести аккуратнее?

– Да. – Он взял себя в руки и повысил голос, глянув на меня: – а ты пристегнись!

– У меня с детства аллер... ладно, ладно... – я пристегнулась и отвернулась к окну. Впрочем, ненадолго: меня тоже занимал один вопрос. – Как ты меня нашёл? ...так быстро.

– Через камеры, – он пожал плечами, махнув рукой в сторону остановки, мимо которой мы проезжали.

Присмотревшись, я заметила, что на каждой остановке и впрямь висели видеокамеры.

– Вау... И где можно просмотреть их записи?

– На любом мониторе рядом с ними, – с досадой пояснил Макс, думая о своём.

– Со всех камер сразу или с каждой по отдельности?

– Зачем по отдельности? – он наморщил лоб, напрягаясь от моих вопросов, потому что мысли его были заняты. – Со всех. Вместе. Сразу. Любые записи.

Эх, жаль, что в день моей смерти такого ещё не было.

Благодаря шоку Макса побег сошёл мне с рук. Нет, мне, конечно, и так было совершенно наплевать на их реакцию, и

наказывать себя я уж точно не позволю. Но всё-таки я была рада отсутствию криков и объяснений.

Как только мы вошли в дом, Вика обняла мужа, и они сели тут же, на диванчике в прихожей. Макс, похоже, не в силах был сейчас куда-то двигаться. Громко протопав в направлении своей комнаты, я, сняв туфли, тихо вернулась, затаившись за углом.

– ...Прости, я не знала, как тебе об этом сказать... – почти шептала Вика, обнимая моего бывшего друга.

– Когда ты узнала? – в его глазах теперь появились слёзы, которые он судорожно смахнул.

– Я тогда на пятом месяце была... родителей его встретила случайно... на улице... седых как белый снег... – она с болью посмотрела на стену, а затем уткнулась лицом в его плечо.

– Они сказали, как он умер?

– ДТП... как обычно... не пристегнулся...

– Ну, да. Конечно. – Он снова вытер ладонью глаза и встал. – Я всегда ему говорил, что он так кончит.

Ну, хоть какая-то информация! Я была почти готова расцеловать Вику. Это же так просто: один день не садись в машины – и всё! Я на цыпочках убежала к себе, пока меня не заметили, да и, собственно говоря, я уже услышала главное.

В волнении, я мерила шагами свою комнату. Что теперь? Обратно в Костину жизнь, на ту детскую площадку – и бегом домой и не вылазить целый день? В тот момент меня ждёт

клиент, и успеть к нему можно только на машине, ну да Бог с ним. Неужели то самое такси меня подвело? Или вечером, по дороге домой? А... какая разница!..

Я настроилась на Костю. Привычный и уже такой родной туман почти закружил меня, но в этот момент, бросив взгляд в окно, я заметила, что дом напротив горит. И первая мысль – позвать на помощь, звонить пожарным, тушить... – смешалась с закружившим ещё сильнее туманом.

– Пацаны, я кому сказал «не мешаться»! – прикрикнул на ходу пропахший дымом пожарный с испачканным лицом и побежал к горящему дому.

– Но мы тоже можем помочь! – просительно закричал ему вслед стоящий рядом со мной Макс, но мужчина уже не слушал.

Через силу преодолевая шок, мне удалось повернуть голову вправо... Это был Макс!.. Мой лучший друг! Двенадцатилетний! Чёрт подери, я помню этот пожар у соседей!..

– Это не честно! Он даже не слушал! – топнул ногой мой друг. – А мы можем, между прочим, в форточку пролезть, в отличие от них!

Он так и собирался сделать, но, придя в себя, я автоматически удержал его за рукав.

– Да забей, они вон почти потушили уже. ...К тому же нас там сразу поймают и по задницам надают, а ты ещё ожог на руку получишь.

– С чего это ты взял?

– Третий глаз открылся, – буркнул я. Не объяснять же ему, что у меня есть память и тридцатилетнего Кости.

– Сам же первый кричал «Бежим пожар тушить», а теперь сачкуешь!

Однако в этот момент мне словно живот скрутило. Не физически, нет. А словно как-то... страшно стало, и всё сжалось внутри.

Моё лицо исказила гримаса боли, и, присев на корточки, я схватился за живот, недоумевая про себя, как он может так «болеть не физически».

– Костыка, ты чего? – казалось, он колебался: волноваться за меня или обвинить в трусливом притворстве. – Съел что-то не то? – похоже, волнение победило, поскольку он участливо присел рядом.

Меж тем, пожар был окончательно потушен, а боль в центре живота ушла, словно её и не было. Вот только не покидало ощущение неправильности происходящего. И вдруг меня словно холодом обдало осознание того, что Макс должен был сейчас получить ожог.

– Чёрт! – заорал я и, вскочив и схватив за руку Макса, помчался вокруг дома, ища хоть какие-нибудь остатки огня. Но ничего уже не горело.

– Слушай, ты белены объелся? – вяло сопротивлялся на бегу тот. – Всё! Потушили уже, поезд ушёл...

Я остановился на заднем дворе и схватился за голову:

– Надо... поджечь... я сейчас... спички... – я сделал па-

ру шагов в направлении своего дома, но он схватил меня за куртку.

– Ты дурак?!

Да... что это я... чуть не поджёг едва спасённый дом соседей. Вздохнув, я плюхнулся на крыльцо.

С подозрением посмотрев на меня, Макс присел рядом.

– У тебя что – пожарофобия? Хотя нет, скорее, пожаролюбия... – он хмыкнул.

Помолчав, я размышлял о последствиях. Макс был здесь пацаном совсем, и я как-то автоматически удержал его от глупости, а теперь...

– А ты серьёзно хочешь стать музыкантом, Макс?

– Ага, – кивнул он.

– И если ты вдруг завтра завалишь свой отчётный концерт, то будешь в следующем году пробовать снова?

– Не-а, – он помотал головой. – Все настоящие шансы даются в жизни один раз. Или пан или пропал – вот так. Но ты не думай, – он слегка толкнул меня плечом, смеясь, – у меня там просто нет конкурентов!

– Ну, да, точно...

Конкурентов у Макса не было. Он был лучший гитарист из всех, кого я знал. Завтра он займёт первое место, и жизнь пойдёт по совсем другому руслу... Кто знает, до чего дойдёт... Может, и Нади-то никакой не будет.

– А ты бы хотел изменить что-нибудь в своей жизни, если бы мог?

Не знаю, что заставляло меня ещё сидеть вот так, рядом с ним, и болтать о чепухе. Наверно, просто соскучился по этому Максу, тому, который друг и не предавал. К которому у меня не было злости и обиды.

– Ты дурак? – второй раз за вечер спросил он. – Если что-то случается, значит, так должно быть.

Я хмыкнул. Он мне напомнил этим папу Риши. Только у Макса-то откуда такой философский настрой?..

И, вспомнив старого индуса, мне что-то безумно захотелось его повидать. Устал я до чёртиков разгребать причины собственной смерти и все эти семейные проблемы с бывшими друзьями. И я погрузился в спасительный туман.

– Перемещалась? – папа встал со стула и взял меня за плечи. Какое счастье снова оказаться в его кабинете!

– Да... – осознание себя порой наступало медленно. – А как это выглядит со стороны, пап?

Он пожал плечами:

– Взгляд стеклянный, словно сейчас в обморок упадёшь, – а затем серьёзно посмотрел мне в глаза, – Амрит, что ты натворила?

– С чего ты взял?..

– У тебя солнечное сплетение пульсирует до сих пор от ужаса, – он махнул ладонью на мой живот.

– Ты знаешь, откуда была такая боль?.. – я схватила его за руку. – Но ведь боль была у Кости. Почему она у меня сейчас? Ты же сам сказал, что физическое тело не переме-

щается...

– А это и не физическое тело болит, а энергетическое.

– Но как ты это заметил? Боль...

– А это уже моя судьба – видеть, – чуть улыбнулся он. – Не отвлекайся от темы. Ты меняла что-то в жизненном пути людей?

– Да... – тяжело вздохнув, я села на стул. – Но почему больно именно сейчас?.. Ведь всякий раз при перемещении всё идёт немного не так, как было. Я говорю другие слова, могу зарулить совсем в другую сторону...

– Это мелочи, Амрит. – Он сел рядом. – На самом деле и от них твоё солнечное сплетение немного сжимается, потому что бессознательно тебе страшно. Просто ты этого не чувствуешь: не так тотальны эти изменения.

– Но... что же теперь делать? Кое-что в судьбе одного человека сейчас изменилось из-за меня...

– Ничего, – папа пожал плечами. – Судя по всему, ты отделалась небольшой болью, – он махнул рукой на мой живот. – Возможно, его судьба вернётся на круги своя. А, может, изменения не так велики, как тебе сейчас кажется. Увидим.

– А если... изменить что-то действительно важное? – я осторожно посмотрела ему в глаза.

– Разорвёт на части, – спокойно, но сурово ответил он, строго взглянув на меня. – В лучшем случае только тебя.

– А в худшем?..

– Ох, Амрит... – папа поморщился, – просто не делай это-

го, вот и всё. Ведь ты же почувствовала сейчас: всё внутри тебя противится изменению судьбы. Не надо с ней спорить.

– Но ведь боль прекратилась! Значит...

– Значит, судьба свернула на другую дорогу и теперь всё пошло по новому, снова нормальному, руслу! А больно тебе, так сказать, на поворотах. Но если поворот слишком крутой... – папа многозначительно посмотрел на меня, – не выживешь, дочка.

Обняв старого индуса, я решила переместиться ещё разок в Надю: просто проверить, существует ли она после того, что произошло на пожаре.

Надя существовала. И дом со всеми вещами находился на прежнем месте, разве что теперь чуть ли не в каждой комнате висело по гитаре на стене, даже одна маленькая лежала в моей детской. А, выйдя на цыпочках в коридор, я вновь услышала сдавленные голоса родителей.

– Он был и моим другом тоже... – шептала сквозь слёзы Вика. – Я не знала, как тебе об этом сказать...

Что ж, похоже, всё вернулось на круги своя. Облегчённо вздохнув (всё-таки, это могло и на Костиной жизни сказаться), я тихонько шмыгнула обратно в свою комнату.

Снова походив из угла в угол, я всё же решила действовать по плану. Да, на поворотах больно! Ну, и пусть... Уж лучше пусть меня совсем не будет, чем жить в семье этих предателей. Только сопли горазды пускать *post factum*! «Он был моим другом тоже!», «Не знала, как тебе сказать!», «Ох,

Костян!...». Тоже мне, друзья...

Я кивнула самой себе, садясь на стул: значит, решено. Сейчас перемещаюсь в Костю, возвращаюсь в квартиру и сижу сутки, не высовываясь.

На столе передо мной лежал мой атрофированный розовый ноутбук-«погремушка». А если что-то не получится? Если не выживет Костя? Поколебавшись, я включила компьютер. Всё может сильно измениться. Кто знает... вдруг я вообще не буду помнить другие жизни? И что же – оставить Надю в неведении? Ну, уж нет. Пусть знает, кто её «родители».

«...он просто так, на ровном месте, без каких-либо подлых поступков с моей стороны, сказал, что мы больше не друзья. Мы всю жизнь с ним дружили, за одной партой сидели, были как братья! А тут... из-за девчонки... Боялся просто, что если мы с ней будем видеться, то вспыхнут снова чувства. Вот и решил удалить меня из своей жизни. Предатель».

Моё письмо самой себе было почти готово, когда в комнату зашёл Макс. Я повернулась к бывшему другу, захлопывая на всякий случай ноутбук. Он молча присел на мою кровать и опустил голову в ладони, смотря в пол невидящим взглядом.

«И чего зашёл? Помолчать больше негде?» – недовольно подумалось мне, хотя, казалось, нас обоих мучило желание что-то сказать, но словно конкретные слова ещё не созрели.

– Тебе чего? – грубовато буркнула я, не выдержав напряжённого молчания.

Он поднял на меня полные муки глаза:

– Да хоть немного понимания, Надя! Ты не маленькая уже, осенью в школу пойдёшь, а не можешь хоть на секунду встать на место родителей! Я сегодня... – казалось, он едва сдержался, чтобы сказать это спокойно и тихо, – узнал, что у меня умер лучший друг. Мы с ним... были как братья. Всю жизнь за одной партой сидели. Все секреты друг другу доверяли. – И снова уронив голову в ладони, он уставился глазами в пол.

Я мысленно хмыкнула. Во-первых, словам «братья» и «лучший друг» из уст этого засранца, не знающего, что такое дружба. А, во-вторых, тому, какой же он всё-таки «милый» папаша. Ведь явно же пришёл отчитать за побег. Костин бы отец достал ремень, выпорол и ушёл уже смотреть телевизор. А этот сидит и нудит: «Пойми ты меня... ну, пойми ты меня...». И тут я с холодком, пробежавшим по спине, подумала, что Костя мог только мечтать о таком воспитательном процессе и таких родителях. Я заёрзала на стуле. Чёрт подери! Уж не захотелось ли мне родиться у них? Ну, уж нет!

– Ты хоть представляешь, какой ужас испытывают родители, когда их ребёнок убегает один неизвестно куда? – поднял голову Макс, прерывая затянувшуюся паузу. – А если бы мы с мамой уехали куда-то, и ты не могла нас найти?

Вот тут я захохотала. Я сижу, мечтаю от них избавиться,

а он... Я смеялась до икоты, пока он багровел.

– Ну, ладно, ладно, ладно!.. – прервала я и свой смех и его грозящиеся вылиться на меня эмоции. – Я осознала, – из всех сил постаралась я сделать серьёзное лицо, – и больше сбегать никогда не буду. А что за друг у тебя умер? Костя Лазарев? – попыталась я перевести тему. Лучше пусть говорит ересь про нашу «дружбу», чем отчитывает.

Уловка удалась, боль вновь исказила его лицо.

– Да... Костя. Лазарев. ...Твой любимый поэт, – на миг грустно улыбнулся он, но тут же в глазах снова блеснули слёзы. – Я даже не был на его похоронах. Не знал, как он умер. Если бы я мог хотя бы поговорить с его родителями... хоть с кем-то... – казалось, он забыл, что говорит с ребёнком.

– То что – тебе бы стало легче? – возникла у меня интересная идея, которую мне было бы сложно реализовать одной.

– Да. В чём-то. – Он пожал плечами.

– Мы можем найти водителя, который был за рулём в момент ДТП. Если он жив, конечно. Узнать, как умер Костя. Хочешь?

Хорошо, конечно, что я знаю дату и причину своей смерти, но чем больше подробностей, тем надёжнее. Лучше всё узнать, прежде чем перемещаться в Костю и подстилать роковую соломку. Вдруг ошибёшься.

Макс посмотрел на меня с грустной улыбкой и вдруг встал и, подойдя, крепко обнял меня.

– Спасибо, малыш. Я знал, что ты у меня добрая девочка.

– Только ты меня с собой возмёшь! – я тихонько вырвалась из объятий. – Он же мой любимый поэт.

– Надюш... – он улыбнулся, присев рядом. – Да где ты найдёшь его сейчас... да и зачем... столько воды утекло...

– Найти не проблема, – сразу взяла я быка за рога. – Он работал в такси «Три семёрки», дату его смены мы тоже знаем – седьмое июля две тысячи тринадцатого. ...Это из интернета, из интернета! – добавила я, сразу ответив на его вопросительно поднятые брови. – А зачем... да разве тебе не хочется послушать очевидца о последних минутах жизни твоего лучшего друга? Хотя как-то помянуть его, так сказать?

Макс вздохнул. Наверно, он понимал бессмысленность этой затеи, но, с другой стороны, мне слишком хорошо был известен такой сорт людей вообще и мой бывший друг в частности: не желая совершать реальных действий ради близких людей, они потом очень долго онанируют свои извилины, вспоминая, рассказывая, слушая про погибшего, и чувствуют при этом себя чуточку легче. Типа что-то сделал.

Так что, сам, наверно, не понимая, зачем, Макс всё же набрал номер «Трёх семёрок» (к счастью, существующих до сих пор), и даже таксист оказался живым, невредимым и верным своему рабочему месту.

Нам открыл полненький бородатый мужик лет пятидесяти, в майке и старых трико. А после того, как Макс представился, он молча пропустил нас в грязноватую квартирку, до-

стал второй стакан (один уже стоял на столе) и налил водки из стоящей у дивана бутылки себе и моему отцу.

– Поверишь ли, единственный смертельный случай у меня, – водитель и с утра-то явно уже был подвыпивший. – Как сейчас помню этого парня. Я и сам потом два месяца в больнице провёл, а он... – мужик махнул рукой, – насмерть, сразу.

– А почему... ну... случилось ДТП? – влезла я.

Хозяин квартиры очумело посмотрел на меня, словно только сейчас заметив.

– Ну, по встрече, может, выехали, обгоняли или что?

– Ну, обгонял я, обгонял! – как-то болезненно закричал он. – А кто не обгоняет? Покажи мне такого! Ничего бы не случилось, если б он пристегнулся! Даже родители его так и сказали!

– Да никто Вас не обвиняет... – сам стараясь успокоиться, вставил Макс.

Таксист выпил залпом ещё рюмку и, разведя руками, добавил:

– Я сказал ему: «Ты б пристегнулся», а он мне: «У меня с детства аллергия на ремень». Ну, посмеялись да поехали. Мне недосуг каждому клиенту речи читать о мерах безопасности.

Домой мы ехали молча. Каждый думал о своём. Ох, что-то от Надиной жизни я устаю быстрее всего, так и хочется отсюда смотаться. В общем-то, можно уже перемещаться в Ко-

стю, вся информация о смерти у меня есть. Но словно что-то мешало сделать решающий шаг. Страх перед «поворотом»? Возможно...

«Хоть обнять надо Ангелику и Клеменса перед всем этим. А то мало ли, чем закончится...» – подумалось вдруг и, не откладывая в долгий ящик, я прямо в машине настроилась на Маркуса.

Но повидаться не удалось. Ещё на входе показалось странным, что дверь не заперта. Мы всегда закрывались на все замки, даже выходя на пять минут к соседям: бывшие приятели, а теперь лютые враги не давали мне начать новую жизнь, поэтому то и дело мне с семьёй приходилось срываться с места и уезжать.

– Ангелика! – уже всем сердцем ощущая неладное, я ворвался в дом и тут же почувствовал запах крови.

А потом увидел их. Обоих. Двух моих ангелов: Ангелику и Клеменса. Лежащих на полу со струйкой крови у горла. Мне оставалось только надеяться, что их убили мгновенно.

– Ну, что, Маркус, свинья, поговорим?... – услышал я противный скрипучий голос за спиной и почувствовал нож у лопаток.

Мне уже было всё равно, что со мной сделают. Умерло что-то внутри, вместе с теми, кого я любил. А, с другой стороны, я чувствовал, что не должно пропасть то, что Ангелика сделала для меня. Не должен я снова стать зверем, единожды превращённый ею в человека.

– Убей меня, Горбатый, давай уже, – тихо прошептал я и, зажмурившись, как-то автоматически настроился на Амрит. Наверно, инстинкт самосохранения спас психику от предстоящей чудовищной боли. Ведь я знал: меня-то они быстро не убьют, растянут удовольствие.

Странно, но туман привёл меня не в отцовский кабинет, где мы расстались последний раз с папой Риши. Я стояла босиком на горячем песке, на мне было голубое сари, волосы выросли сантиметров на двадцать, а вокруг дрались люди. Кто холодным оружием разного формата, кто первым попавшимся под руку предметом, а иные и врукопашную. Выходит, эмоции смерти привели меня к смерти?

Воспоминания Амрит нахлынули и застучали в висках: в городе уже пару месяцев было беспокойно, то и дело случались волнения.

Что ж мне так не везёт-то, и я везде умираю во цвете лет?
– Амрит! – измазанный в грязи и крови Викрант подбежал ко мне и, схватив за руку, потащил прочь от основного побоища.

– Стой! погоди! Викрант! Да стой же! – я вспомнила, что здесь где-то должен быть отец. – Где папа?

– Он умер, – на бегу бросил Викрант. Если бы я не знала своего брата, то подумала бы, что ему всё равно. Но я видела, что его сердце обливается слезами, просто сейчас не время для слёз. – Как и говорил. Он был прав. Он всегда прав. А я уведу тебя к тёте, как ему и обещал.

Нет... Нет!! Ничего не соображая, я бежала за братом, тянущим меня за руку. Воспоминания опять складывались, как картинки мозаики: вся семья погибла две недели назад в таком же побоище, а сегодня утром отец усадил нас с Викрантом рядом с собой возле фонтана и долго прощался. Но почему он просто не увёз нас отсюда заранее, если знал?! Слёзы застилали глаза.

«Амрит... Амрит в двенадцать лет... там, в кабинете... ну же, давай...» – сквозь эмоции с усилием настраивалась я. Наконец, туман закружился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.